

УДК 81'38: 34

ШТРИХИ К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА

Лариса Геннадьевна Кыркунова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. KyrkunovaLG@yandex.ru

Статья посвящена описанию особенностей профессиональной речи современного юриста. В центре внимания автора – отражение в речи юриста профессионального знания и речевых «традиций» юридической среды, с одной стороны, и влияния социума – с другой. Автор делает ряд выводов об изменениях в речевом портрете юриста последнего десятилетия, в частности, не только о возрастании доли разговорности в порождаемых им текстах, но и об изменении функции разговорных элементов в профессиональном юридическом общении.

Ключевые слова: речевой портрет; речевое поведение; юридический подстиль; правовая лингвистика.

Речевой портрет говорящего определяется в лингвистике как «комплексная характеристика речи отдельной (индивидуальной) или коллективной языковой личности, включающей в себя детальное описание речевых особенностей на всех уровнях языковой компетенции, с учетом специфики речевого поведения, особенностей личных (психологических) и профессиональных (социальных) параметров...» [Эффективное речевое общение 2012: 561]. Описание речевых особенностей осуществляется исследователями с различных позиций: в коммуникативном и социальном аспектах [Ерофеева 1991, 2003], в собственно речевом аспекте [Панов 1990], с точки зрения социально-психологических параметров, профессии и речевых жанров [Седов 1999].

Профессиональная речь юристов, как правило, рассматривается лингвистами в лингвометодическом аспекте – в связи с решением задач обучения студентов речевым нормам, клише профессиональной сферы, правилам эффективного общения [Ивакина 1995, 2001; Введенская, Павлова 2006]. Речевой портрет практикующего юриста интересует исследователей в гораздо меньшей степени, во-первых, в силу определенной локальности, «закрытости» этой сферы общения (доступ посторонних лиц к следственно-судебным документам до вынесения решения суда практически невозможен) и, во-вторых, в связи со спецификой оформления и речевого наполнения материала, анализ которого также представляет объективную сложность. Кроме того, многие документы юридической сферы (протоколы осмотра места про-

исшествия, постановления о возбуждении дел и т. п.) составляются по действующим образцам, оформляются в виде бланков, другие (например, текстовая часть протокола допроса) представляют подробную, дословную запись чужой речи (как этого требуют статьи УПК РФ).

В наибольшей степени целям создания речевого портрета современного юриста отвечают судебные речи. Именно они максимально гибки по композиционной структуре, в них проявляется свобода судебного оратора в употреблении единиц различных уровней языковой системы, становится очевидной степень владения профессиональным языком, уровень логичности речи, способность выстроить композиционно гармоничный текст. Полнотекстовые судебные речи звучат только в уголовных процессах (в отличие от диалоговой формы общения сторон в гражданском и арбитражном процессах).

В качестве самостоятельного жанра судебные речи сложились во второй половине XIX в. В результате появления судов присяжных после судебной реформы 1864 г. в юридической среде выделилась «плеяда выдающихся российских юристов, мастеров слова» (см. об этом [Михайловская, Одинцов 1988]). Несомненно, русские юристы второй половины XIX – начала XX вв. были мастерами профессионального слова. Основой судебных текстов этого периода служил исключительно литературный, нормативный вариант русского языка. Исследователи речей этого периода отмечают безупречный языковой вкус судебных ораторов, знание профессиональных тонкостей и умение соеди-

нить в тексте нейтральную лексику со сложными юридическими оборотами речи [Михайловская, Одинцов 1988]. Это не случайно. Судебные ораторы второй половины XIX в. не только были безупречно подготовленными в профессиональном плане (имели юридическое университетское образование), но и являлись разносторонне образованными людьми. Многие из них занимались не только юридической, но и литературной практикой, изучали прозу, поэзию и театральное искусство, занимались стихосложением, вели лексикографическую деятельность. Этим можно объяснить высокохудожественный характер текстов составленных ими судебных речей. Известные русские судебные ораторы: А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, С.А. Андреевский, А.И. Урусов, В.Д. Спасович, П.А. Александров, В.И. Жуковский, В.П. Карабчевский, К.Ф. Хартулари, Ф.Н. Плевако – демонстрировали высочайшие образцы ораторского мастерства.

Приведем пример из выступления С.А. Андреевского по делу купца Андреева, в котором оратору удается несколькими фразами передать психологическое состояние обманутого, отвергнутого мужа, которому горячо любимая жена за завтраком как бы между прочим объявляет об уходе к генералу Пистолькорсу, более знатному и богатому человеку:

В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуще. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец, неожиданный подземный удар, треск, и – все погибло (цит. по [Ивакина 1995: 176]).

Элементы так называемой «народной речи» (просторечия), «острое словцо» юристы использовали исключительно как средство выразительности, прием привлечения и поддержания внимания публики. Так, А.Ф. Кони в речи по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем создает психологический портрет любовницы Емельянова и сравнивает эту женщину с законной женой: одна, Аграфена Сурина, – *живого, веселого характера, энергичная, своего не уступит даром...* [там же: 194], *зовет, манит, туманит, раздражает* [там же: 195], другая – *тихая, покорная, вялая и скучная..., главное – скучная* [там же: 194]. Такое описание не только легко воспринимается, но и надолго остается в памяти.

Речи юристов советского периода на фоне речей русских юристов второй половины XIX в. формализованы, стандартизированы по структу-

ре, рациональны по манере изложения. В них преобладают рассуждения, а не описания или повествования. Речевой портрет юриста советского периода значительно менее ярок, практически лишен индивидуальных черт. Юрист советского времени, создавая судебную речь, обязан был освещать преступное деяние не только с собственно правовой (что является обязательным для текстов этого жанра), социально-нравственной, общечеловеческой гуманистической позиции (как это было в текстах XIX в.), но еще и с идеологической, а иногда даже с политической точки зрения. Минимизируется анализ психологической составляющей поступков фигурантов. Психологические характеристики фигурантов по делу заменяются социальными характеристиками (с места работы, учебы; бытовыми, составленными соседями). Выступления самых известных советских прокуроров: Н.В. Крыленко, Р.А. Руденко, В.И. Царева, адвокатов В.Л. Росельса, И.Д. Брауде, Я.С. Киселева – отличает, кроме того, вера в правоту социалистической законности и советского суда. Подробный разбор обстоятельств дела, доказательность, юридическая обоснованность квалификации деяния ценятся в этот период выше, чем скрупулезная оценка личности подсудимого или потерпевшего, глубокая психологическая характеристика или оценка мотивов их поступков. В целом, выступления становятся менее выразительными, и постепенно в советский период нивелируется само понятие «индивидуальная манера» судебного оратора. Выступления ораторов в суде в советский период становятся не только менее индивидуализированными, но и менее развернутыми, продолжительными, лишенными эффективных приемов привлечения и удержания внимания присутствующих. Речи становятся похожи одна на другую. Однако советским юристам удается сохранить нормативно-литературную основу судебной речи и одновременно наполненность ее профессиональными терминами и понятиями.

Нам показалось интересным рассмотреть профессиональную речь современных юристов и составить их обобщенный речевой портрет, основываясь на анализе судебных речей, прозвучавших в судах Пермского края в рамках уголовных процессов последних десятилетий.

Материалом послужили видеозаписи выступлений государственных обвинителей г. Перми и Пермского края и тексты их речей, предоставленные Краевым судом Пермского края, а также Краевой прокуратурой Пермского края, по делам, приговор по которым вступил в законную силу. Всего проанализировано по 10 текстов, которые созданы в течение последних 30 лет. Объ-

ектом исследования явилась речевая деятельность современного юриста в рамках уголовного процесса. Предметом исследования стали различные речевые единицы лексического и синтаксического уровней, традиционные для этого жанра речевых произведений.

Анализ видеоматериала показал, что речевое поведение современного оратора складывается из ряда невербальных и вербальных компонентов. К невербальным компонентам, определяющим отношение слушателей к оратору, отнесем внешний вид (деловой костюм, аккуратная прическа, не отвлекающая внимания, сдержанный макияж у лиц женского пола); мимику и пантомимику (направленность взгляда на участников процесса, выражение уверенности, спокойствия, отсутствие навязчивых, отвлекающих внимание зрителей жестов, движений корпуса и др.); саморегуляцию (умение создать и удержать определенное настроение, самообладание); готовность оратора к выступлению (способность свободно пользоваться текстом или не обращаться к нему совсем, готовность отвечать на вопросы, знание полемических приемов и владение ими, способность распознавать уловки процессуального противника); коммунибельность (умение установить и удержать контакт с судебной аудиторией, способность чувствовать настроение аудитории, ее состояние) и др. Вербальные компоненты речевого поведения оратора включают технику речи (фонационное дыхание, выносливость голосовых связок, полетность голоса, громкость, высотность, тембр, темп речи, дикцию, интонацию); уровень культуры речи (отсутствие в устном выступлении орфоэпических, морфологических, лексических и синтаксических ошибок); владение приемами воздействия на аудиторию (умение выразить определенное настроение, создать нужную атмосферу в зале, передать эмоции сидящим в аудитории).

Впечатление от выступления создается и самим текстом судебной речи: правильностью (нормативностью); логичностью (доказательностью) и связностью; выразительностью (отсутствием шаблона в тексте и композиционной структуре, продуманным использованием «цветов красноречия»: тропов, фигур речи и средств диалогизации); этикетностью (этичностью) речевого поведения оратора. Однако в связи с задачами исследования мы оставляем за рамками данной публикации подробный разбор текстов в указанных аспектах.

Анализ видеозаписей выступлений государственных обвинителей в уголовных процессах показывает, что только единичные выступления могут считаться безупречными с точки зрения

правильности речи. В целом (если рассматривать речь и речевое поведение в совокупности), образцовых выступлений, к сожалению, нет. Что снижает качество выступления? Некоторые ораторы излишне часто жестикулируют, при этом закрывают лицо (рот) руками, почесывают нос во время выступления, закрывают глаза, направляют взгляд в окно, в дальний верхний угол помещения. Некоторым ораторам во время выступления приходится все время поправлять свисающие на лицо волосы. Иногда говорящий закрывается от слушателей тезисами выступления или перелистывает их в поисках нужной фамилии и т. д. В среднем, только двое из пяти выступающих обращают внимание на окружающих (адресатов речи), пытаются поддерживать с ними зрительный контакт. Во время выступления некоторые ораторы раскачиваются всем корпусом, переминаются с ноги на ногу, опираются на стол одной рукой. Рассказывая об обстоятельствах убийства, осуществленного с особой жестокостью, ораторы внешне могут оставаться совершенно безэмоциональными. Такое настроение обвинителя транслируется в зал суда. Для самого выступающего это все – малозначительные нюансы. Но именно они в совокупности снижают общее впечатление от выступления. А ведь еще А.Ф. Кони в статье «Советы лекторам» писал: «Следует одеться просто и прилично. В костюме не должно быть ничего вычурного и кричащего (резкий цвет, необыкновенный фасон). Это важно помнить, так как психическое действие на собравшихся начинается до речи, с момента появления лектора перед публикой...» И дальше: «Полезно всматриваться в отдельные группы слушателей (особенно в маленьких аудиториях, комнатах): слушатели смотрят на лектора, и им приятно, если лектор посмотрит на них. Этим привлекается внимание и завоевывается расположение к лектору. У лектора не должно быть одной какой-то точки, к которой привлекается во все время речи его взор... Лицо говорит вместе с языком» [Кони: электр. ресурс].

Среди вербальных компонентов речевого поведения судебного оратора наиболее проблемными являются темп речи и дикция. К счастью, уже не услышишь распространенных в 90-е гг. ненормативных вариантов ударения *осужденный, дело возбуждено* и подобных им. Однако на записях последних лет ораторы произносят текст в недопустимо быстром темпе, часто встречаются скопления слов с большим количеством шипящих или свистящих согласных. Например:

При назначении наказания, с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о личности осужденного, наличия в его действиях рецидива преступлений,

совершения преступления в период неотбытого наказания, назначенного предыдущим приговором за совершение аналогичного преступления, суд не усмотрел оснований для смягчения категории тяжести преступления, назначения осужденному более мягкого, чем лишение свободы, наказания и наказания с применением требований ст. 73 УК РФ, правильно сделав вывод о том, что исправление Г-ва И.Ф. и восстановление социальной справедливости возможно только в условиях реального отбывания наказания с изоляцией от общества».

Вновь хотелось бы соотнести эти наблюдения с рекомендациями, изложенными классиком юриспруденции А.Ф. Кони в статье «Советы лекторам»: «Речь не должна произноситься одним махом; она должна быть речью, живым словом... Краткость речи состоит не только в краткости времени, в течение которого она произносится. Краткость – отсутствие всего лишнего, не относящегося к содержанию, всего того водянистого и засоряющего, чем обычно грешат речи». И далее: «Говорить следует громко, ясно, отчетливо (дикция), немонотонно, по возможности выразительно и просто. В тоне должна быть уверенность, убежденность, сила» [Кони: электр. ресурс].

Главное, что особенно тревожит, – это проявляющееся в некоторых выступлениях пренебрежительное отношение к выбору слов. Современные юристы на этапе подготовки к выступлению зачастую полностью игнорируют литературное редактирование составленного текста. В итоге их выступления изобилуют следующими ошибками:

- (1) П. взял на себя **ответственность отвечать** за содеянное (очевидная тавтология).
- (2) Н. требует компенсацию в размере **четырёх миллиона рублей** (нарушено правило склонения числ.).
- (3) Преступление носит **неосторожный характер** (вместо совершено по неосторожности).
- (4) Дело, рассматриваемое в суде, **оно** (дублирование подлежащего), в общем-то, несколько эмоционально (эмоциональным может быть человек, рассказ, но не дело).
- (5) Судьба **расположилась** следующим образом (вместо сложилась).
- (6) М. **ревностно** относился к Г. (вместо ревновал).
- (7) Подсудимый говорит, что ему **об** этом обстоятельстве **намекнула** Б-ва (вместо намекнула на что-л.).
- (8) Он **слеп ревностью** (вместо ослеплен ревностью).
- (9) Н. занималась **напечатыванием** квитанций (вместо изготовлением).
- (10) Действовал **согласно устава** унитарного предприятия; **согласно заключения** судебно-медицинской экспертизы, смерть Зайцевой наступила

от тупой сочетанной травмы тела с развитием острой кровопотери в результате ударных воздействий (вместо согласно уставу, заключению).

- (11) Было нанесено **около двух** ударов тростью (вместо два удара или не менее двух).

Встречаются многочисленные случаи неправильного построения фраз, необработанность синтаксических конструкций. Например:

- (12) Считаю, что **вина** нашла полное **подтверждение свое** в судебном заседании; Органами предварительного следствия его действия квалифицированы как нарушение **лицом**, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека, **в состоянии алкогольного опьянения** (нарушен порядок слов).
- (13) С учетом тяжести преступления, **а именно совершил преступление**, относящееся к категории тяжких, считаю, что наказание должно быть назначено в виде пяти лет лишения свободы (разговорная конструкция с эллипсисом того, что).
- (14) Хочу обратить внимание на **явку с повинной, которая находится на листах дела 34–35** (вместо на листах дела 34–35 находится документ, содержащий указание на явку с повинной).
- (15) На вопрос, зачем вам это надо, подсудимый **пояснил, что я не знаю** (смешение прямой и косвенной речи).
- (16) В ходе предварительного следствия собрана **целая куча доказательств** (разговорный оборот целая куча).
- (17) Он всеми силами продемонстрировал **пренебрежение законов морали** (вместо пренебрежение законами или к законам).
- (18) Данный довод, хочу заметить, **опровержен** показаниями свидетелей (вместо опровергнут).
- (19) Начал манипулировать им, **ездя с ним на рыбалку** (вместо находясь на рыбалке, отправляясь на рыбалку или уезжая на рыбалку).
- (20) Он попытался **акцентировать** внимание на **неправильную квалификацию** (вместо на квалификации).
- (21) Так нелепо оборвалась жизнь молодой, **перспективной девушки** (перспективным может быть специалист, план, но не девушка), которой **было всего 21 год** (вместо был 21 год).
- (22) Супруга начала кричать и **ругаться на мужа** (вместо ругать мужа).
- (23) В то время как на аллее все вышеописанные лица распивали спиртные напитки и очень громко разговаривали, Т., проживающий на 14 этаже дома напротив, вышел на балкон покурить и стал **немым свидетелем** следующих событий (избыточное немым).
- (24) Этот факт ни у кого не вызывает сомнений, поскольку подтверждается **как** показаниями свидетелей, материалами уголовного дела, **но и**

не оспаривается самим подсудимым (нарушение в использовании двойных союзов *как – так и, не только – но и*).

- (25) *Позднее М-й ему сказал, что Н-ов говорил, что в ходе распития спиртного Ш-н сказал, что ударил Н-ва ножом, т.к. у них ранее был конфликт, и Ш-н затаил злобу на Н-ва, а в ходе перебранки у него в квартире ударил Н-ва ножом* (повтор слов, нагромождение синтаксических конструкций).

Ошибки и неточности, приведенные в примерах, отчасти объяснимы. Цепь публичных выступлений в суде превращает их в рутинную, привычную работу. Эмоциональное выгорание, которое неизбежно сопутствует ораторской деятельности, вряд ли способствует превращению речевой деятельности в творчество.

Приведенные примеры позволяют, на наш взгляд, выявить несколько новых черт в речевом портрете современного юриста.

Речь современного судебного оратора остается сугубо профессиональной. Обилие специальных слов и выражений, отражающих особенности процессуального поведения участников судебных заседаний (*в ходе судебных прений, показания свидетелей, органы предварительного следствия, ответственность за содеянное*), нюансы совершенного преступления, орудия преступных действий, причины и мотивы совершения преступления (*распивали спиртные напитки, ударил Н-ва ножом, ранее был конфликт, в состоянии алкогольного опьянения*) свидетельствуют об этом. Многочисленные сложные для восприятия обороты юридической речи отражают речевые «традиции» юридической среды и вряд ли могут быть подвергнуты редактированию.

Однако соотношение в общем объеме выступления оратора количества нормативных и ненормативных речевых единиц (просторечных, содержащих явные речевые ошибки) показывает, что в ряде случаев мы наблюдаем размывание литературной (нормативной) основы судебной речи или даже замену ее просторечным вариантом. Иначе говоря, современный юрист не диф-

ференцирует литературный и просторечный варианты речи; использует для построения текста выступления привычный, наполненный знаковыми из СМИ клише и штампами (*немой свидетель, перспективная девушка* и т. п.) ненормативный, разговорный вариант; не редактирует порождаемый им текст; не осуществляет проверку текста даже с помощью общедоступных онлайн-словарей.

Список литературы

Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов. Ростов/н Д.: Феникс, 2006. 576 с.

Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 90–103.

Ерофеева Т.И. Малая социальная группа как объект лингвистического исследования // Русский язык сегодня / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2: Актуальные языковые процессы конца XX века. С. 433–454

Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. М.: БЕК, 1995. 334 с.

Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М.: Юристъ, 2001. 384 с.

Кони А.Ф. Советы лекторам. [Электронный ресурс]. URL: www.gramotey.com/books/1269098847.htm (дата обращения: 18.08.2017).

Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. М.: Юридическая литература, 1988. 186 с.

Панов М.Ф. История русского литературного произношения XIII–XX века. М., 1990. 456 с.

Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. С. 3–28.

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2012. 882 с.

TRAITS TO SPEECH PORTRAIT OF A MODERN LAWYER

Larisa G. Kyrkunova

Assistant Professor, Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

The article is devoted to describing some peculiar features of professional speech of modern lawyers. The author examines how a lawyer's speech reflects professional knowledge and speech "traditions" on the one hand, and the influence of society – on the other hand. A number of conclusions about the changes in a lawyer speech portrait that occurred during the last decade are made. In particular, the changes include not only the increase in the share of conversationality in lawyers' texts, but also the changes of the functions of conversational elements in professional juridical communication.

Keywords: speech portrait; language behavior; legal substyle; legal linguistics.